

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

Аркадий ВАЙНЕР:

"Я НЕ СОБИРАЮСЬ ВПАДАТЬ В СПЯЧКУ!"

"Вор должен сидеть в тюрьме!", "А теперь Горбатый! Я сказал: Горбатый!", "Эх, сейчас бы супчику, да с потрошками..." "Ну и рожа у тебя, Шараров!"... Эти бесхитростные фразы в устах героев фильма "Место встречи изменить нельзя" давно уже обрели статус народных. А все благодаря братьям Вайнерам — авторам литературного бестселлера "Эра милосердия", по которому и был снят упомянутый фильм.

В настоящее время Георгий Вайнер изучает в Америке рассекреченные архивы Интерпола и собирает материал для новой книги. А его старший брат Аркадий готовится завтра в кругу самых близких друзей отметить свое 70-летие. Одними из первых юбиляра поздравили корреспонденты "МК"...

— Аркадий Александрович, вы родились тринадцатого числа, а это довольно мистическая цифра...

— Я к этому спокойно отношусь. И даже наоборот: считаю, что для меня это число — счастливое.

— Какой минувший день рождения вам больше всего запомнился?

— Больше всего почему-то вспоминается мое сорокалетие. Я его отмечал в ресторане Центрального Дома литераторов, где одновременно с нами еще несколько компаний гуляло. И в результате мой праздник завершился грандиозной дракой между незнакомыми между собой братьями Вайнерами и братьями Ибрагимбековыми. Впоследствии мы с ними подружались...

— У вас квартира очень похожа на музей. Фотографии, книги, сувениры... Это все подарки?

— И коллекции. Загадки собираю, модели автомобилей... А подарки я, как любой нормальный человек, люблю получать. Правда, на сегодняшний день у меня есть все, о чем я когда-то мечтал. Разве что кроме мопеда и яхты, которые у меня так и не появились.

— Как вы вообще сейчас живете? Чем занимаетесь?

— У меня и моей красавицы дочери — свой телеканал: "Дарьял-ТВ". Так что в основном я занимаюсь телевидением. Вот только не знаю, с радостью или с печалью об этом нужно говорить. Все потому, что на литературу практически не хватает времени. Американцы, прочем, говорят, что человек должен раз в десять лет менять профессию. Это вроде же способствует прогрессу личности.

— Помните, как один кинокритик утверждал, что пройдет время, и не будет театров и кино, а только одно сплошное телевидение? Не боитесь, что телевидение вытеснит книги?..

— Не подумайте, что я совсем уж забросил литературу. Мы с братом продолжаем работу над огромной книгой — этаким российской "Сагой о Форсайтах". Этот роман увидит свет года через полтора.

— Вы с братом всегда утверждали, что пишете не детективы, а прозу. Тем не менее не боитесь, что сегодня ваши книги могут затеряться среди разнообразных детективных романов? Вон их у нас сколько на лотках!

— Знаете, я в этом смысле довольно демократичен: каждый имеет право заниматься тем, чем хочет. Но мысль, что наши книги, как вы говорите, "затеряются", мне никогда в голову не приходила. Наоборот, мне кажется, что наших книг всегда не хватает на прилавках. И это при том, что на сегодняшний день они изданы в таком количестве, что я даже не берусь назвать вам общий тираж. Вот было у нас раньше такое ведомство, как Госкомиздат, — они бы точно сказали. У нас с ними как-то веселая история случилась. В одном издательстве зарубили выпуск нашей новой книги на том основании, что другой наш роман совсем недавно тоже был выпущен в продажу. А по правилам Госкомиздата писатель имел право выпускать одну книгу раз в два года...

Короче, когда мы с братом об этом узнали, то тут же помчались к Борису Пастухову, который тогда руководил этим книжным ведомством. Брат ему сказал: "Борис Николаевич, мы же не один писатель! Мы пишем вдвоем, а значит, это правило на нас не действует!" Пастухов рассмеялся и отдал распоряжение о выпуске нашей новой книги.

— От цензуры вам пришлось в свое время пострадать?

— Одна история, совершенно анекдотического характера, очень запомнилась. В журнале "Огонек" из номера в номер публиковали нашу с братом повесть "Ощупью в полдень". Неожиданно позвонил главный редактор и сообщил, что у него в очередном номере образовалась дыра, потому что цензор запретил публикацию очередной главы. Мы с братом бросились в издательство, где нас неожиданно допустили до цензора. Мы его спрашиваем: "В чем дело?" — "Есть момент, где ваш герой Станислав Тихонов звонит в справочную и называет пароль: "Звезда". А нашими правилами это запрещено!" — "Почему?!" — "Потому что этот пароль — государственная тайна..."

Ну что еще сказать?.. Несмотря на драматичность ситуации, я захохотал и заявил, что это очень замечательная гостайна, тем более что этот пароль мы просто придумали. Конечно, мы прямо в кабинете поправили это предложение, и очередная часть романа была опубликована, но вот вам реальный пример той идиотической цензуры.

— У вас есть свои, так сказать, секретные правила, согласно которым можно написать хороший роман?

— Конечно нет. Таких правил на свете не существует. Господь Бог ведь не случайно создает одного человека Моцартом, а другого... Не буду даже фамилию называть! Не случайно одного человека создают Вайнером, а другого — Игорем Атаманенко. Вот эту фамилию я не случайно называю. Получил недавно письмо от возмущенных читателей: Игорь Атаманенко позволил себе в своей книге поставить целую главу из нашего лучшего романа "Евангелие от палача". Представляет? В чужом произведении практически слово в слово перепечатана наша глава! Только фамилии героев изменены. Подсудное дело, между прочим! А на наше с братом возмущение Атаманенко написал ответное письмо, в котором сообщил, что текст не украл, а нашел переписанным от руки в общей тетрадке в вагоне электрички...

— Аркадий Александрович, в ваших интервью я прочел, что вы с давних пор хотите сделать продолжение полюбившейся не одному поколению зрителей картины "Место встречи изменить нельзя". Так где же фильм?

— Там же, где и сотня других картин, не реализованных из-за отсутствия финансирования. Наш проект — очень дорогой. Он стоит три или четыре миллиона долларов. Надеюсь, у нас хватит сил, чтобы сделать эту картину в дальнейшем. К тому же это была, можно сказать, последняя воля Володи Высоцкого. И именно ему, кстати, принадлежит сюжет этого unrealized пока фильма.

— Я вижу, что вы много работаете. Но на личную жизнь время все-таки остается?..

— Сейчас, к сожалению, нет. А жаль, потому что я человек крайне общительный: люблю общаться с друзьями, красивыми женщинами, люблю различные застолья и т.д. А в настоящий момент я всего вышеперечисленного лишен. Материальная основа есть, а времени не хватает. Сказать честно, так я порой сильно устаю и в буквальном смысле слова падаю. Что ж поделаешь? Лет мне уже не восемнадцать, а девятнадцать... (Смеется.)

— Итак, последние четыре года вы занимаетесь телевидением. Если верить американцам, то через шесть лет вам предстоит вновь поменять профессию. Планы уже есть?

— На этот вопрос мне трудно ответить. Очень многие вещи меня интересуют и будут интересовать. Одно знаю точно: я не впаду в зимнюю спячку и, как медведь, не буду сосать лапу!

Беседовал Андрей ТУМАРКИН.